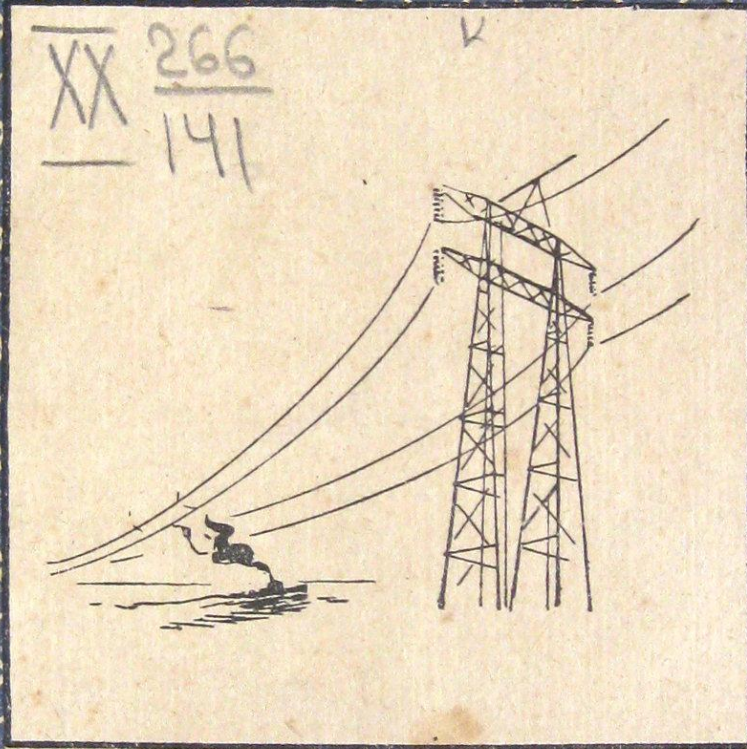

Продыант Отел

№ 10

1934

X $\frac{265}{13}$
**Тридцать
 дней**

10

1934

**ДЕСЯТЫЙ
 ГОД ИЗДАНИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

✓ Юрий ОЛЕША—На край утра _____	3
Артем ВЕСЕЛЫЙ— Беркут— Отрывки из романа— Рис. Д. ДАРАН _____	7
✓ Всеволод ЛЕБЕДЕВ— Художник _____	10
✓ Б. ПЕСКОВ— В разные стороны— Рассказ— Худ. ШТАНГЕ _____	19
✓ Г. ПОМЕРАНЦЕВ— Чем плоха осень?— Рассказ— Рис. С. ЩЕРБАКОВА _____	24
Ник. ВАСИЛЬЕВ— Рождение завода— Стихи _____	28
✓ Виктор ШКЛОВСКИЙ— Разные рассказы— Поль ВАЛЕРИ— У Дега— Очерк— Перев. С. Ромова— Рис. Э. ДЕГА и Ю. ПИМЕНОВА _____	30
✓ НОВА _____	35
Густаво МОНТАНАРО— Судьба кавалера Пистилли— Рассказ— Перев. С. Токаревича— Рис. П. МИТУРИЧА _____	43
Э ХЭМИНГУЭЙ— Чисто и светло— Рассказ— Перев. С. Романовой— Рис. Н. ДАВЫДОВОЙ _____	46
✓ Мих. ЛОСКУТОВ— Карта _____	49
В. ЕРОФЕЕВ— Персеполь— Фото автора _____	52
А. ГУДИМОВ— Полетные заметки— Фото автора _____	56
✓ В. ЛЕБЕДЕВ— Сад чудес _____	60
С. Я. ШТРАЙХ— Сеченов _____	64
✓ „Взгляд на русскую литературу“ _____	69
✓ Н. ОЛЕЙНИКОВ— Служение науке— Стихи _____	72
✓ Н. ОРУЖЕЙНИКОВ— Сегодняшнее детство _____	73
✓ В. КАТАНЯН— Дневник происшествий _____	76
✓ Н. ОЛЕЙНИКОВ— Хвала изобретателям— Муха— Стихи _____	80

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ:
 РЕДАКЦИИ— ул. 25 Октября, 10/2, тел. 3-57-58
 ИЗДАТЕЛЬСТВА— ул. 25 Октября, 10/2, тел. 6-50-25

ЦЕНА НОМЕРА в отдельной продаже—1 р.

ГОС. ИЗД-ВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Беркут

Страницы из романа

В России революция, по всей-то
Расеюшке прозы гремят, ливни шумят

Мутнехынъка, быстрехынъка бежит-тремит Кубань река, а впристяжку с ней ухлыстывают люты речки горные, стелятся протоки малые.

Шумные станицы да сытые хутора—всеми тополями своими, ветряками, садами, столетними дубами и сонными волами—смотрелись в быстрые воды Кубани.

На крутом берегу Кубани, глазами на реку, стоял крытый железом каменный дом старожилого казака Михайлы Черноярова.

Славились Чернояровы крепким родом, конями, доблестью и богатствами.

Михайле перевалило за шестой десяток, но еще горячи были его глаза и еще несокрушимой он обладал силой. Темной дубки крупное лицо его было похоже на лоскут заскорузлой кошмы. Русая с прочерью борода расстилалась по могучей, как колокол, груди. Из-под обкуренных до желта усов сверкали в усмешке белые как кипень и целые все до единого зубы. Высоко поднятую голову — с подрубленными в скобку волосами — крыла форменная, с захватным козырьком фуражка. В старом дозелена выгоревшем чекмене, туго перетянутый наборным поясом, спозаранок он расхаживал по двору, присматривал

за работниками, снохами, внуками, всем находя дело и всех разнося за нерасторопность. В неположенное время никто из домашних не смел при нем засмеяться или сесть без разрешения. В свободный час Михайло запирался в угловой полутемной комнатухе, куда доступ бабам был запрещен, и нараспев—в четь голоса — читал библию, вода по строке перешибленным когда-то черкесской пулей и криво сросшимся пальцем. Порою тень глубокой думы набегала на его чело, и на псжелтевшую рябую страницу святой книги огненная падала слеза. Из глубокого кармана шаровар старик доставал окованную серебром трубку и заряжал ее целой горстью выдержанного по вкусу домашнего табака. Курил, читал, вздыхал, вспоминал службу, походы и молодость свою, раздумывая о судьбах казачества и земли русской...

Вырос, да и всю лучшую пору жизни своей Михайло не слезал с коня. Он помнил Хивинский поход и последнюю, 1877—1878 гг., Турецкую войну. Афганский, глухих тонов ковер — память о Хивинском походе — и посеячас украшал стену его комнатухи. А в турецкий год с ним приключилась история, которая стоит того, чтобы о ней, хотя и коротенько, но рассказать. Под

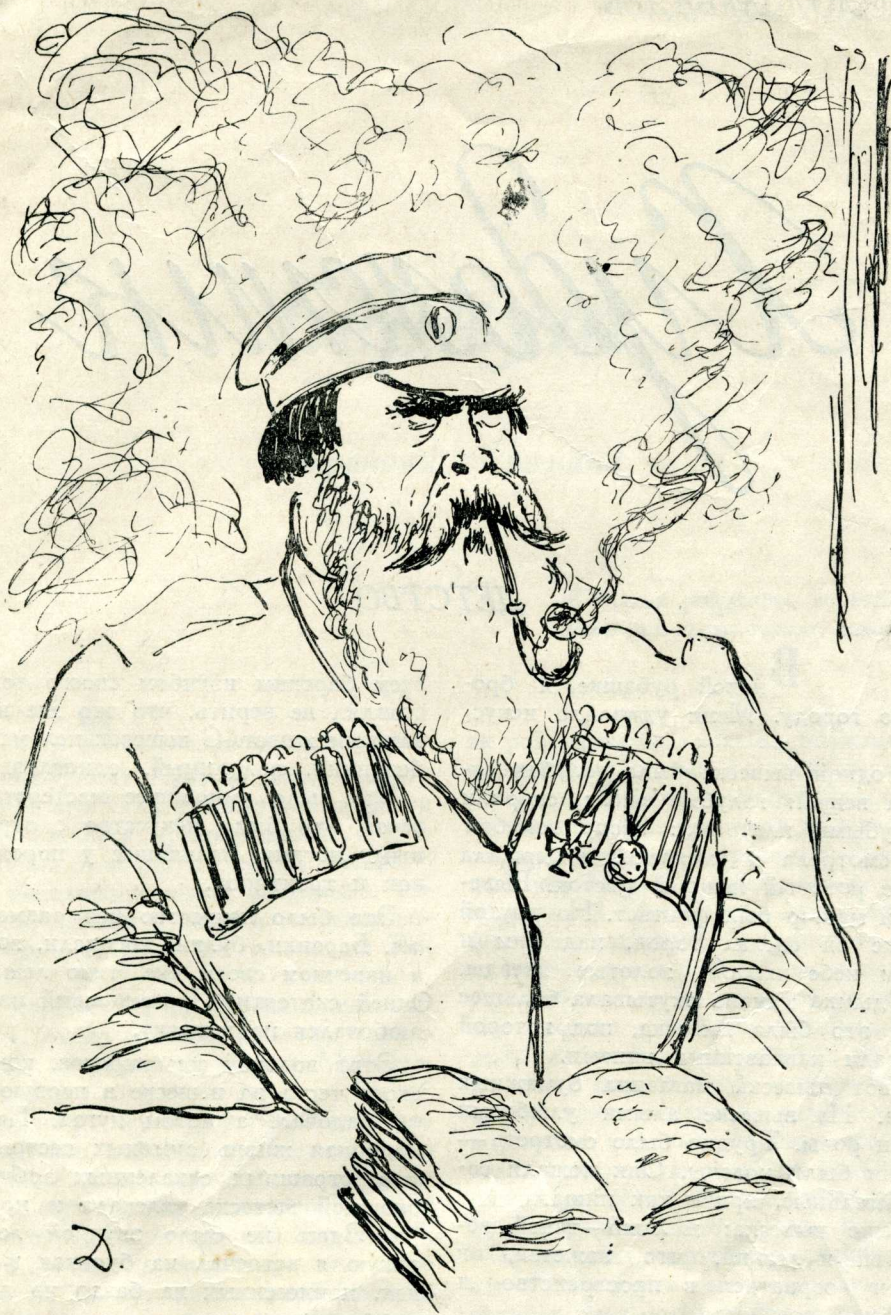
Златарицами, из самого пекла рукопашного боя, Михайло выхватил арабского скакуна — да такого! — какой и во сне не всякому приснится. На бивуаке станишники гурьбою пришли любоваться добычей. Самый старый в полку казак, Терентий Колонтарь, провел араба в поводу, осмотрел его зубы и носовые проходы, ощупал бабки, коленные чашки и подвздошные маслаки, да сказал: «Добрый конь!» И другие старики дули жеребцу в уши, вымеряли ребра и длину заднего окорока, и тоже в голос сказали: «Добрый, добрый коняга». А когда Михайло, вскочив на араба, чортом пронесся перед станишниками раз, да другой, — вскинула Терентий Колонтарь, и гроза восторга пересверкнула в его очах: «Эге-ге-ге, братику, що не було такого коняки в нашем кубанском войске». Похвала старых взвеселила сердце молодого казака, ибо чего-чего, а коней-то на своем веку те деды видывали. За стать, за удаль, за легкость, кровей — Михайло назвал жеребца Беркутом.

Вскоре война окончилась, и русская армия с песнями двинулась к своим рубежам. В бессарабской деревнюшке, где казаки расположились на отдых, остановился на дневку и драгунский полк, что перекочевывал откуда-то из Галиции в Таврию. Командовал тем полком один из сиятельных князей, состоящий в родстве чуть ли не с самим государем. Однажды казаки и драгуны купали в Днестре лошадей. Тут-то князь и увидел Беркута: «Эй, станица, — окликнул он казака, — где украл такого чудесного жеребца?» Михайла подлетел к князю как был — верхом на Беркуте, голый, со щеткой на руке: «Никак нет, ваше высоко...» «Дурак. Титулуй сиятельство: я — князь»... «Не воровал, ваше сиятельство, с бою добыл». «Продай жеребца». «Никак невозможно, ваше сиятельство, самому надобен». Михайло повернул было коня обратно в реку, чтобы прекратить этот пустой разговор. Князь остановил его: «Сколько хочешь возьми, но продай.» «Не могу, ваше сиятельство, мне без жеребца — зарез». Князь с ловкостью, поразившей кубанца, вскинул в глаз монокль и пошел вокруг горящего под солнцем атласистой мокрой шерстью жеребца. И опять тронул Михайло, и араб заплясал, кося огненными очами на князя. И опять князь остановил казака и стал говорить о бо-

гатстве своем, о своих конюшнях, о курских, рязанских и саратовских землях, владельцем которых он являлся: «Я тебя, казак, награжу щедро». А Михайло, насупив брови, все бормотал: «никак нет», да «невозможно». Вокруг них уже начали собираться казаки и драгуны.

«Хочешь, — тихо, чтобы никто не слышал, говорит князь, и Михайло видит, как у него дрожат побелевшие губы, — хочешь, скотина, я тебе за этого жеребца перед целым полком в ноги поклонюсь?» «Я не бог, ваше сиятельство, чтобы мне кланяться в ноги», — громко ответил Михайло и тронул. Князь, точно привязанный, пошел рядом с ним. Самый бывалый в полку казак, Терентий Колонтарь, уже смекнул, что дело не кончится добром, и, подойдя с другого бока, незаметно сунул Михайле в руку плеть. И снова спросил князь: «Так не продашь?» И снова ответил ему Михайло: «Никак нет»... «Тогда... тогда я у тебя его отберу!» — и князь схватил за повод. «И тому не статья», — уже с сердцем сказал Михайло, пытаясь высвободить повод из затянутой в перчатку руки князя. Да и конь уже беспскочно затряс головой, однако князь был цепок и повода не выпустил. Ободренный улыбками станишников, Михайло зло крикнул: «У турок много было коней, еще краше моего, там надо было добывать, а вы по тылам вареники кушали, да галичанок щупали. Отчепись!» «Слезай, казак», — хрипло сказал князь и повис на поводу рванувшегося было Беркута. Тогда вытянул Михайло того сиятельного князя плетью через лоб. Взвился Беркут на дыбы, оторвались руки князя, он упал было, но мигом вскочил и вскричал: «Под суд! Под суд! Драгуны, хватайте его!» Но не уронил Михайло честь кубанского войска, голой плетью отбил от десятка кинувшихся на него драгун, да прямо с яра махнул в Днестр, переплыл за реку, держа коня за гриву, да так, в чем мать родила, и — гайда в степь!

На пятые сутки он был уже на Кубани, в своем родном курене. В дальнейшем, благодаря заступничеству наказного атамана и обильным взяткам, дело было замято: из Екатеринодарской войсковой канцелярии в Санкт-петербургскую канцелярию полетела бумажка с вестью о том, что такой-то казак, такого-то числа убит за Ку-

2.

банью в схватке с черкесами. Тем все и кончилось. А Михайло с командою охотников мыкался на своем скакуне по Черноморью и Закубанью, замиряя непокорных горцев — тут, за самое короткое время, он нахватал полную грудь крестов и медалей. Потом он участвовал в подавлении ферганского восстания и в усмирении холерных бунтов,

служил в конвое Варшавского губернатора, служил в Петербурге, и когда, после японской кампании, вернулся домой, его встретили бородатые сыны, подросшие внуки.

Михайло пустил Мурата — сына Беркута — в войсковой табун и заделался домоседным казаком.

Артем Веселый